

Искусство чтения

Вера ХАРЧЕНКО

ЧТЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Мы живем в эпоху многочисленных юбилеев. Прошедший год ознаменован (давайте вспомним!) памятными датами. Это Пушкин — 220 лет со дня рождения, Кольцов — 210 лет, Ахматова — 130 лет, Олеша — 125 лет, Набоков — 120 лет, Платонов — 120 лет, Солженицын — 100 лет. А наступивший год, 2020-й, тоже обещает нам не менее разветвленное и интересное юбилейное изучение-исследование наших патриархов. Здесь Грибоедов и Чехов, Пастернак и Баратынский, Куприн и Есенин, Бунин, Белый, Блок, Фет. И конечно же, год обещает быть увлекательным далеко не только по этим именам. Россия — страна высочайшей культуры, и в юбилейные годы это особенно хорошо просматривается. А мы поставим вопрос несколько в иной плоскости: что высвечивается при взгляде на юбиляров независимо от их вклада в литературу и культуру своей страны? Впрочем, «высвечивается» — напрасно мы так написали, потому что это как раз и не высвечивается, почему и возникла идея данной статьи.

Все писатели (и поэты, конечно же, и ученые!) много читали, точнее сказать: читали очень много. «Когда такой же начинающий человек, булочник Горький стал писать, то он уже успел перевернуть в себя целую библиотеку. Он уже был в состоянии книжного запоя. Писателя формируют либо жизнь + книги, либо только книги, но никогда только жизнь без книг. Из последних — чудаки, которые, может быть, украшают жизнь, но не литературу», — пишет Людмила Улицкая в книге «Священный мусор».

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). Живет в Белгороде.

Нет-нет, фраза: тот или иной автор много читал, конечно же, встречается в биографиях великих людей, но для нас сейчас важнее на этой фразе не ставить точку. Мы тоже будто бы много читаем, однако...

Разделим изложение на маленькие параграфы.

Начнем с наименее исследованного: **описание библиотеки писателя**. О да, здесь наблюдается существенное белое пятно. Перечислять все книги ску-учно, тем более если еще анализировать не сразу заметный вклад их в развитие будущего гения. Конечно, здесь есть исключения: это статья В. А. Мануйлова «Пушкин и книга», в которой подчеркивается, что поэт так много читал, что в конце жизни немало времени тратил на перечитывание ранее изученного¹. А до и после Пушкина? Из многочисленных биографий, почерпнутых в последнее время, остановимся на жизнеописании Якова Бруса — это правая рука Петра Первого, человека, знавшего все и вся. Откроем работу Александра Филимона «Яков Брус»². Страницы с 312-й по 327-ю (пятнадцать страниц!) посвящены подробному описанию библиотеки, которая содержала 1579 томов по двадцати научным дисциплинам на четырнадцати языках. Приводятся названия по различным темам, подчеркнута (это важно!), что почти нет случайных книг. Яков Брус был настоящий ученый, специалист по математике и фортификации, архитектуре и... (далее со всеми остановками!): это первый российский профессиональный астроном, а еще инженер, географ, артиллерист, ботаник, метеоролог. А еще он руководил всем книгопечатанием того времени, организовывал преподавание артиллерийского дела, расплачивал послепожарную Москву, собирал коллекции, создал дивную библиотеку из 1500 томов, фактически разработал Табель о рангах. И воевал дольше самого Петра³. И про него подробно можно и не писать, коль скоро есть информация о книгах в его личной библиотеке. Мы не знали об этом человеке практически ничего, поскольку с 1810—1820 годов его имя обросло эзотерическими легендами. Ах, это эзотерик, колдун, чернокнижник, ату его! Но, повторим, Петр Великий все время спрашивал мнения шотландца Якова Бруса и никогда не пренебрегал его советами.

Речь идет, подчеркнем, не об отдельных книгах, а в сознании будущего светила науки или литературы — о целых библиотеках.

По словам Бунина, его детские воспоминания были связаны с Пушкиным, стихи которого в доме читали вслух все: и родители, и братья. А наставник Бунина, Николай Осипович Ромашков, пристрастил будущего писателя к чтению. Когда Ивана Бунина впоследствии забрали из гимназии, то его брат Юлий составил список книг, которые мальчик должен был внимательно прочесть, что и утвердило потом окончательно жизненную стратегию будущего писателя. Это не две-три-четыре книги — это целая библиотека классики.

В. Набоков считал, что настоящая его биография — это библиография. Но здесь есть одна трудность: интересно описать чужое чтение — это особо трудное искусство. Не каждый автор книги серии ЖЗЛ решится на это. Одни книги нужно процитировать, другие просто упомянуть и не жалеть времени на это, не жалеть усилий.

В это совокупное чтение естественно вплетались **иностранные языки**.

Вернемся к Бунину. Домашнее образование включало обучение языкам, при этом особое внимание уделялось латыни. В числе первых книг, прочитанных Буниным самостоятельно, были сборник английской поэзии и гомеровская «Одиссея». Латынь? Мертвый язык? Но... «Мертвый язык воздействует иначе. Не противореча живому языку, он дарует ему обоснования и корни. Он подтверждает живой язык, указывая на его про-

¹ Мануйлов В. А. Пушкин и книга // Звезда, 1975, № 6. С. 205.

² Филимонов А. Яков Брус. — М.: Молодая гвардия, 2013.

³ Съянова Е. Русский Фауст // Знание — сила, 2014, № 7. С. 97—102.

исхождение, открывая его исток. Тем самым он ставит предел произвольности и, заменяя онтологически, так желанное детству обоснование слова историческим, научно подтвержденным, смягчает испуг разума. Язык становится скромнее: он отнюдь не все, а кое-что, подступ, этапы и основания которого могут быть открыты и подтверждены. Человеческий, только человеческий, и потому более достоверный»⁴.

Откроем воспоминания Анастасии Цветаевой: «Немецкие слова die Öde, die Wüste, unheimlich, sonderbar, wundervoll, die Höhe, die Tiefe, der Glockenklang, Weihnachten (глушь, пустыня, таинственно-жутко, чудесно, высота, глубина, звук колокола, Рождество), и сколько еще их было с французскими splendeur, écat, ténèbrts, naufrage, majestueux, jadis, le rêve (великолепный, блеск, мгла, кораблекрушение, торжественный, когда-то, сновидение), и все, чем наполнена первая же книга, дарили двойной смысл тому, что старшие звали... „изучением языка“. На том „языке“ (сколько их впереди еще было! Родители знали французский, немецкий, английский, итальянский, мать хотела возле него, как гитару возле рояля, — еще и испанский...) мы отплывали от учивших нас, как на корабле, и каждое из этих слов было — талисман. Так заколдованным словом Karmilahn (Кармилъхаан), которое в гауфовской сказке (откуда я помню только пещеру и край гибели) — спасало звуком своих букв, кем-то произносимых, — горевшее, как темный карбункул!.. Может быть, этой органической услугой „языка“ объясняется, что я не помню трудностей „изучения“ языков? Это было просто вхождение в свой дом, где все узнавалось»⁵.

Приведем слова В. В. Розанова о знании иностранных языков: «Напротив, в то время „учить язык“ значило не пачкаться в его грамматике и писать „экзерсизы“, а — читать и знать литературу и науку соответствующих народов. Через это и получалось „европейское образование“ <...> уже с 14 лет невинный еще отрок или девушка входили незаметно и сами собой в весь трепет поэзии Байрона, Шиллера, Гете, позднее Вальтера Скотта и Шатобриана <...>. Это было полное претворение поэта в себя, полное претворение себя в поэта. Из этого обильного и роскошного чтения на трех-четырёх языках, чтения неторопливого, чтения наконец „художественного“ по всем условиям, по всей обстановке, выходили <...> такие чудно-образованные и всесторонне развитые люди, как Пушкин»⁶.

Следующий параграф, содержание которого мы уже начали излагать, — **чтение в устах близкого человека:** мамы, бабушки. Речь идет о самых ранних воспоминаниях, когда будущему писателю или ученому читали вслух, много читали, и регулярно, и, повторим, даже на иностранных языках.

На семейных вечерах в семье Достоевского в гостиной вслух читали Карамзина, Жуковского, Державина, Пушкина, Полевого, Радклиф. Позднее Федор Михайлович особенно выделял чтение отцом «Истории государства Российского».

О чтении вслух в семье откровенно писал нобелевский лауреат 1981 года Элиас Канетти. Мать академика В. А. Обручева (у нее было семь детей) каждый вечер читала своим детям. Судьба юной поэтессы Ники Турбиной сложилась трагически, но поэтическое начало заложила мать девочки, много читавшая юному созданию стихотворения Цветаевой, Блока, Ахматовой, Есенина.

Вот что вспоминает герой романа И. Грековой «Кафедра» Николай Николаевич Завалишин о своем отце, прототипом которого, кстати сказать, был отец писательницы: «В нашей семье чтение вслух было ритуалом, праздником. Годами подряд каждый ве-

⁴ Бло Жан. Набоков. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр. Блиц, 2000. С. 49.

⁵ Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е. — М.: Советский писатель, 1974. С. 63—64.

⁶ Розанов В. Историко-литературный род Киреевских // Кодры / Молдова литературная, 1991, № 4. С. 147.

чер, перед сном, когда мы, дети... лежали в своих кроватях, начиналось самое главное: приходил Пулин и читал нам вслух. Читал он великолепно, артистически, но не как профессиональный чтец (таких я терпеть не могу), а как посредник, интерпретатор, знакомящий самых своих дорогих с самым для себя дорогим. Его прекрасный, довольно низкий голос менялся, переходя от реплики к реплике. Он словно показывал нам драгоценный камень, поворачивая его разными гранями и любуясь его игрой... Чего только не услышали мы в его чтении! Всего Гоголя от „Вечеров на хуторе“ до „Мертвых душ“, включая вторую часть (читалась отрывками), после чего была нам рассказана трагическая история сожжения рукописи (до сих пор не могу забыть боли, которую тогда испытал!), Толстой „Детство“ и „Отрочество“, „Севастопольские рассказы“ и „Война и мир“. Достоевский: „Записки из мертвого дома“, „Преступление и наказание“, „Братья Карамазовы“... А Гончаров, Тургенев, Помяловский, Лесков! Всего и не сочтешь! Теперь понимаю, какой это был титанический труд: прочесть своим детям всю русскую классику! И не только русскую: были тут и Марк Твен, и Диккенс, и Гюго, и Кэптен Дойль...»

Митрополит Сурожский Антоний в своих воспоминаниях тепло писал о бабушке, так много читавшей ему, мальчику, вслух.

Нет, здесь можно собрать целую книгу о чтении в семье вслух (детей же было, как правило, не один, не два — несколько, если не сказать: много!). А литература шла — на вырост. О том, что классика обеспечивает ребенка чтением «на вырост», пишет Наталья Ростова в статье «Новая эстетика детства»: «Советское образование, на обломках которого пока еще стоит современное образование, имело очень важную черту. Оно позволяло охватить русскую и мировую литературу **в ее недетской сложности**. Оно давало знание „на вырост“. То есть сеяло зерно, которому было суждено в свое время прорасти. Детская душа нуждается в метафизических иероглифах, в которых могла бы оплотниться и организоваться субъективность. Неоформленная субъективность — это всегда поле для необратимости случая и манипулирования»⁷. Мы выделили про недетскую сложность не случайно: сейчас намечается скорбная тенденция, что в чтении ребенку не должно быть ничего непонятного, и многие книги остаются за бортом детского чтения. А роль родителей? А остаточное «непонятное» на вырост? А возвращение к тексту потом, перечитывание?

Но вот здесь начинается и самое интересное: что давало, что дает домашнее чтение «для себя». Параграф можно назвать: **библиотека прочитанного и зарождение стиля**.

Известно, что Федор Достоевский в детстве увлекался готическими романами Анны Радклиф с призраками, заброшенными могилами, духами, грозой. Не случайно поэтому многим памятливы его слова, что нет литературы без занимательности. Не случаен поэтому и его стиль, приближающийся к увлекательному повествованию, подчеркнуто нарративному.

Нам уже приходилось писать ранее, что Пушкин испытывал влияние не одного писателя, как подчеркивает это Н. Н. Скатов, Пушкин подражал многим: и Батюшкову, и Жуковскому, и Гомеру, и Байрону... Внимательно читал Хвостова и Боброва, а также других неизвестных нам теперь авторов. А Хераскова ценил и изучал с особым вниманием.

Покажем это зарождение стиля на отрывке из рассказа Луизы Акбаевой «Содовый»: «В конце августа у нас родилась дочь. Я ходила и кормила, ходила и укачивала, ходила и напевала, ходила и наводила порядок, и опять кормила, купала, укачивала, утешала

⁷ Цит. по: Коняева Е. П. «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи» // Дружба народов, 2015, № 6. С. 219.

и передевала. Родители мои были тогда далеко, муж в восемь утра уходил на работу, а мы с лялькой были вдвоем»⁸. Мы выделили курсивом это стилистическое средство. Повтор *ходила и...* создает ощущение особого стиля, материнско-младенческого, узнаваемого.

А вот фрагмент из другой книги: «*Ветер. Два лебедя. Последний рывок Петьки. Чистый мир. Потеря чувства реальности. Ощущение, что все, случившееся сегодня со мной, не могло произойти ни при каких обстоятельствах. И все-таки произошло...*»⁹. Это же сплошь назывные предложения, едва ли даже выражающие законченную мысль и просто с большей или меньшей степенью расплывчатости указывающие на то, что открывалось глазам — «это», «это». Простейшие фигуры языка пространства...»⁹. Описание природы, дикой, непознанной, тяготеет к назывным предложениям, к суровой и по-своему прекрасной констатации самого факта.

Только на основе библиотеки прочитанного можно выработать свой стиль, и этот стиль будет отличаться от любого автора из ранее изученных. Ведь мы не случайно привели списки юбиляров в начале статьи. Стиль Кольцова радикально отличается от стиля Ахматовой, а стиль Олеши не совпадает со стилем Платонова, потому что здесь важно не только, *что*, но и *как* читать.

Итак, следующий параграф — **как читать**. Здесь вступает в силу непростой закон конспектирования, конспектирования, опять же, для себя.

Василий Розанов вспоминает свои гимназические годы: «Конспектирование мое произошло через желание все схватить, все удержать и при немощи купить хотя бы одну «собственную» книгу. Книги даются только читать, но ведь я должен их помнить! Как же сделать это, когда я не могу ни удержать книги, ни купить новой такой же? Самый простой исход и был в том, чтобы, возвращая книгу в библиотеку, оставить дома у себя „все существенное“ из нее, до того существенное, что, обратившись к тетради, я как бы обращался к самой книге. Нужно заметить, что о существовании конспектов и вообще о самом методе этого отношения к читаемой книге я ничего не знал (3-й класс гимназии) и ни от кого не слышал. <...> Конечно, времени сохранялось тем больше, чем конспект был сжатее... С тем вместе конспект должен был вполне заменить книгу, ибо цель-то его была именно в замене книги»¹⁰. Далее В. Розанов вспоминает, как он с величайшей точностью, торопливостью и вниманием ухватился за Фохта. «Мне неизвестно, поступали ли так другие читающие, но это все равно, — идя другими путями, они срывали другие плоды!..»¹¹ В. Розанова называют русским Ницше, он превзошел других философов, а нас восхищает, среди прочего, его манера указывать, где, на чем или когда была записана та или иная мысль. *Жалость — в маленьком. Вот почему я люблю маленькое* (в лесу). Оказывается, так иногда писал и Ницше, помечая свои соображения. Мелочь, но мелочь знаковая.

У Пушкина была собственная книга Степана Крашенинникова о Камчатке, но Пушкин все равно эту книгу конспектировал. Почему? Современные ученые установили, что «когда мы пишем, активно работает самая важная часть мозга — префронтальная зона. Получается, что это хорошая тренировка для нее»¹². Пушкин намеревался исследовать Камчатку, поэтому конспектирование было остро необходимо ему для далеко идущих целей.

⁸ Акбаева Л. Содовый // Книга, ради которой... Книга гастрономических историй. — СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018. С. 24.

⁹ Голованов В. Я. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий. — М.: Вагриус, 2002. С. 57–58.

¹⁰ Москва, 1991, № 10. С. 156–157.

¹¹ Там же. С. 157.

¹² Ковальшима Рита. Как заставить работать мозг в любом возрасте. Японская система развития интеллекта и памяти. — СПб.: Питер, 2018. С. 51.

Мариэтта Шагинян вспоминает, что конспектирование сперва велось вслепую, «потом я научилась отличать существенное от случайного и записывать только существенное. Потом вспыхивало, утрамбованное накопленным опытом, — качественное суждение. Не только о самом тексте, о его языке, стиле, удачном и неудачном месте, верной или неверной мысли, — и конспект стал превращаться в отклик, в разговор с книгой».

Конспектирование — это не столько для учебы, конечно, сколько для себя. Очень важно: мы конспектируем то, что нам нравится. А если ничего не понравилось, полезно оставить в записях хотя бы фамилию автора и название книги.

До сих пор значимыми являются книги из личных библиотек, содержащие так называемые мартирологи, карандашные пометки на полях. Это не конспектирование, но свидетельства внимательного прочтения книги, и при возвращении к чтению эти пометки станут еще более говорящими.

Чтение открывает нам глаза на детали, которыми так полна жизнь. Это может быть мысль, афоризм, высказывание, речевой оборот, метафора...

При внимательнейшем чтении мы обращаем внимание на самые мелочи. Так читал Набоков. Много раз я перечитывала «Мертвые души», но никогда не замечала, какой мастер Гоголь в описании покинутого хозяином сада. Про сад у Плюшкина захотелось тут же перечитать, вникнуть в детали описания.

Читая «Кавказского пленника» Льва Толстого, я не заметила, что два русских офицера, Жилин и Костылин, находясь в плену, в яме, грязные, униженные, обращаются друг к другу на «вы» и, попав в положение зверей, не теряют человеческого достоинства. Книга Виктории Токаревой¹³ помогла это понять.

Читаю Веру Павлову: *«Любовь бывает, когда она прибывает. / Когда она убывает, ее не бывает. / А если она в равновесии пребывает, / она убывает...»* («Вездесь»). У о. Меня есть интересное наблюдение: *«Любовь, как цветок, требует ежедневной поливки»*. Вроде мысли похожие, но выражены они каждая по-своему, и каждая открывает нечто новое в будто бы давно известном.

А вот о печальном: *«Все умирают внезапно. Даже те, о которых ты знать не знаешь»*. Это из Татьяны Соломатиной («Роддом, или Поздняя беременность»). Спросим себя: да неужели так? И оказывается, что, действительно, смерть всегда внезапна. А вот тоже из Татьяны Соломатиной: *«Девушка она была умная и прекрасно отдавала себе отчет о том, что отчество надо еще заслужить!»* («Девять месяцев, или Комедия женских положений»). Заслужить отчество — хорошо сказано.

Тысячи мелочей проходят мимо нас, но книги, именно книги при внимательном, неторопливом чтении позволяют нам их заметить.

Чтение и расширение горизонта познания. Известно, что Пушкин за границей не был, и так же хорошо известно, что он о Германии писал как житель Германии, об Испании как житель Испании и т. д. Что это как не следствие погружения в литературу тех стран?

Мы не случайно упомянули выше об ученых. Да, литературные образы далековато стоят от того, чем непосредственно занимается тот или иной специалист. Но почему тогда научный руководитель советует начинающему исследователю прочитать... Диккенса и Теккерея?

Игорь Евгеньевич Тамм каждый четверг приглашал к себе своего аспиранта, ныне известного физика Юрия Ивановича Кулакова. «Мы с ним завтракали, потом шли в его кабинет, и здесь я отчитывался за всю неделю: что я за это время сделал, о чем думал, какие книжки прочел. Кстати, читать рекомендованные им книжки следовало обяза-

¹³ Токарева Виктория. Кругом один обман: Рассказы и очерки. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 227.

тельно. Это были и философские книги, и даже средневековые мистики, то есть далеко не только специальная литература. По молодости лет я тогда не очень понимал, зачем мне нужны хотя бы те самые мистики, и однажды солгал: сказал, что читал одну книжку, а на самом деле даже не заглянул в нее. Разоблачен я был мгновенно...»¹⁴ Если бы не это чтение вширь, разве удалось бы Ю. И. Кулакову увидеть архитектуру физического знания, разглядеть изоморфизмы и симметрии, произвести синтез знания не по горизонтали, а по вертикали, обосновать идею метаморфии?

«Какую массу книг он читал! — вспоминает о Н. И. Вавилове Лидия Петровна Бреславец. — Помню, из месячной стажировки привез целый чемодан книг и, возвращая их, сказал: „Извините, что задержал, но зато все прочел“»¹⁵.

Действительно, все наши великие люди (гении) исключительно много читали, а память... (Прервем мысль ради одной весьма значимой цитаты!) Выдающийся исследователь памяти Эндель Тулвинг прославился своей теорией «ключей к воспоминаниям». По Э. Тулвингу, воспоминания извлекаются из долговременной памяти благодаря тому, что вместе с запомнившимся эпизодом или событием память хранит также «ключ» к нему в виде какого-то специфического слова или образа.

Э. Тулвинг выдвинул интригующее предположение, что память вообще является вторичным феноменом и возникла в ответ на потребность предвидеть будущее, «воображать» его. Эта идея о связи запоминания и воображения не нашла никакого подтверждения и так и осталась смелой гипотезой. Но в последнее время появился целый ряд работ, которые как будто бы такие подтверждения обнаружили. Исследования недавнего времени подтвердили, что память неразрывно связана с воображением, и эта связь реализуется в гиппокампе¹⁶.

Итак, все гении много, очень много читали, а если учесть, что память связана с воображением... Да, XXI век на дворе, но мы не все понимаем в трудном деле творческого поиска.

Чтение как самозащита, самоустояние. Читая, вы становитесь открытыми миру, но надо подумать и о замкнутом пространстве, о себе. Протоиерей Владислав Свешников в Духовной семинарии выступал со специальной лекцией о грехах ума и выделял девять грехов: *самость* ума или своеумие с доверием способности собственного суждения; *слабость* ума; *ложь* (самообман, не ориентированность и отсутствие безошибочных критериев); *рационализм*; *идеологизм* или доверие массовым идеологическим движениям; *не искаание истины* с довольством пустыми приобретениями; *сон разума*; *ложные философии* как системы; *бессистемность* ума¹⁷.

Приведем отрывок из интервью Арины Абросимовой с Захаром Прилепиным: Россия многолика, и каждый из «ликов», вне зависимости от времени, считает свою линию генеральной, а все остальное отмечает как необязательное... На что Захар Прилепин отвечает: «Я как раз не отмечаю, готов все принять: и монархическую Россию, и белую, и красную. Мне кажется, принятие этого разноцветья и есть залог нашего процветания и движения. Но чаще практически все говорят: вот вы это сделали — и уходите отсюда, чтобы вас больше не было, а кто не отрекся от этой химеры, тот больше не с нами...»¹⁸ Какая глубокая мысль и насколько же она современна! Что это как не сопротивление идеологизму, альтернатива доверию к массовым идеологическим движениям? Это публицистический посыл, а художественный? У меня на столе свежая книга Гузель Яхи-

¹⁴ Знание — сила, 1991, № 12. С. 62.

¹⁵ Поповский М. Дело академика Вавилова. — М.: Книга, 1991. С. 61.

¹⁶ Нудельман Рафаил. Воображение и память // Знание — сила, 2007, № 6. С. 16—17.

¹⁷ Знание — сила, 1991, № 7. С. 83

¹⁸ Прилепин Захар. «Идеалы — это не дар, это труд...» // Русский мир, 2018, № 4. С. 25.

ной «Дети мои», в которой сопротивление идеологизму прекрасно показано на примере «немого» Баха, защищавшего девочку Анче от нашествия *большого мира*¹⁹, но в итоге... Впрочем, почитайте сами.

Получается удивительная диалектика: чтение и расширяет горизонты охвата, и суживает их, делая более своими, человеческими.

Скажем теперь то, с чего следовало бы начать статью. «...На чтение книг в стране среднестатистический гражданин тратит не более 9 минут в день, а молодежь и того меньше — таковы результаты конкурса „Литературный флагман России“. В этом конкурсе исследовались 80 регионов, и самыми читающими оказались Новочеркасск, Пенза, Ставрополь»²⁰. Учитель-словесник Е. П. Коняева провела анкетирование среди учащихся трех школ Белгорода. Респонденты пятых и девярых классов должны были ответить на вопрос «Что читает моя мама?». Результаты экспресс-мониторинга были опубликованы в центральной печати в статье под выразительным заголовком «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи»²¹. Элиас Канетти писал: «Если он долго не читает, дырочки в сети его разума расширяются, и все пролетает насквозь, и всего этого, кроме самого грубого, как не бывало. Именно прочитанное служит ему для улавливания собственных впечатлений и чувств, а нет прочитанного — и пережитого нет»²².

Чтение нужно для выработки телеологической, пассионарной компоненты личности: с кого брать пример? Судьбы писателей, ученых, известных людей, даже династий — все это обладает свойствами зажигания личности: огонь от огня. Чтение нужно и для такой значимой цели, как формирование фелицитарной философии личности, или философии счастья, о чем замечательно написал К. Г. Фрумкин в своей статье «Политическая экономия счастья. Футурологический этюд»²³.

Книги уходят... Да, но речь идет у нас об отдельной личности, о ее развитии, о попытках сопротивления интенсивному, если не сказать, агрессивному настоящему, речь идет о современном Дон Кихоте, воюющем с телевизором, компьютером, смартфоном (и что там еще впереди?), но в итоге побеждающем — способном победить эти влияния.

¹⁹ Яхина Гузель. Дети мои. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 493.

²⁰ Читать надо больше // Русский мир, 2015. № 10. С. 3.

²¹ Коняева Е. П. «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи» // Дружба народов, 2015, № 6. С. 217—236.

²² Канетти Элиас. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. Перевод с нем. — М.: Прогресс, 1990. С. 269.

²³ Фрумкин К. Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // Знамя, 2011, № 11. С. 204—214. Фрумкин К. Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // Знамя, 2011, № 11. С. 204—214.